

Янь Хэцин вышел из метро. Снег усилился. До Нового года оставалось три недели. Деревья вдоль улицы были украшены маленькими красными фонариками. Те светились и покачивались в снежной круговерти. Выглядело это особенно мило и трогательно.

Янь Хэцин вдруг вспомнил детство.

Кажется, тогда во дворе росло пышное гранатовое дерево, с ветвями, почти касавшимися земли. В конце весны и начале лета оно усеивалось такими же красными, как фонарики, цветами.

Когда становилось жарко, мама ставила под деревом два качающихся кресла, варила кастрюлю прохладного супа из мяты и мasha, брала его и Линь Фэнчжи за руки, и они вместе прятались в тени, чтобы немного освежиться.

И напевала какую-то песню.

Очень нежную, как тихий ручей, текущий меж камней. Под её пение он засыпал, потягивая прохладный освежающий напиток.

Сон был крепким. А когда он просыпался, закат уже заливал двор мягким светом, и папа возвращался домой.

Иногда он приносил кусок мяса, несколько сочных овощей, пакет свежих фруктов или конфеты-хамелеоны, которые в то время обожали все дети.

Иногда сладкий, ароматный пирожок, только что вынутый из масла у уличного торговца. Он спешил отнести его домой, чтобы жена и дети успели съесть горячим, и приходил весь в поту.

Когда-то Янь Хэцин клялся, что навсегда сохранит эти воспоминания.

Но со временем те яркие, как радуга, образы начали тускнеть и превращаться в черно-белые.

Он уже не мог вспомнить лица родителей.

Единственное, что осталось в памяти чётко — это тот пожар. Пламя ревущее, обжигающее.

Женщина, уже потерявшая сознание, внезапно очнулась, прижала его и Линь Фэнчжи к себе, обняла, плача, и вынесла из огня.

Не сказав ни слова.

Потом она тихо лежала на земле. Её лицо, когда-то красивое, было скрыто плотным дымом, словно небеса затянуло сажей. Ничего нельзя было разглядеть.

Выжили только он и Линь Фэнчжи.

Дома не осталось ничего. Всё сгорело дотла. Даже одной фотографии не уцелело.

В глазах Янь Хэцина мелькнул отблеск. Он отвёл взгляд, раскрыл зонт и, как все только что вышедшие из метро прохожие, спешащие домой поужинать, влился в людской поток.

Недалеко от университетского городка, прямо у выхода из метро, много студентов-продавцов. Они торговали цветами и разной мелочёвкой.

В основном розами.

Янь Хэцин присел и долго искал, пока наконец не нашёл ведро с гладиолусами: были белые и бледно-сиреневые.

Янь Хэцин выбрал по одному гладиолусу каждого цвета. В смутных воспоминаниях мама часто носила красивые ципао. Только он уже не помнил, какого они были цвета. Может, белые. Или светло-сиреневые. А может, розовые, тёмно-зелёные...

Выбрав цветы, Янь Хэцин расплатился. Продавец хотел завернуть их в газету, но он уже ушёл, держа цветы в руке.

*

Лу Мучи подъехал к дому Янь Хэцина. Окна на третьем этаже были тёмными.

Он нахмурился. Почему тот до сих пор не вернулся?

Лу вытащил пачку сигарет, закурил, откинул спинку сиденья назад и лёг. Вид стал ниже, снежинки непрерывно сыпались и шлёпались о лобовое стекло. Пальцы свободной руки слегка подрагивали, нервно постукивая по подлокотнику.

Сигарета постепенно догорела. Лу Мучи уже собирался доставать телефон, чтобы позвонить, но вдруг замер.

За стеклом, покрытым тонким слоем снега, появилась фигура: кто-то приближался.

Под тусклым уличным фонарём шёл худой юноша. В одной руке у него был зонт, в другой —

две ветки цветов. Он прошёл мимо машины сквозь завывающую пургу. Лу Мучи повернул голову и смотрел, как Янь Хэцин заходит в подъезд.

Он так и остался сидеть боком, не двигаясь. Лишь когда на третьем этаже загорелся свет, до его пальцев дошла боль: сигарета догорела до фильтра и обожгла кожу.

На третьем этаже Янь Хэцин включил свет, переобулся, прошёл на кухню с гладиолусами, достал пустую бутылку, налил воды и поставил в неё цветы.

Он узнал машину Лу Мучи, она стояла прямо под окнами.

Но никак не отреагировал.

В оригинальной книге Лу Мучи узнал, что Линь Фэнчжи любит Лу Линя, и тогда несколько месяцев сходил с ума, ежедневно издевался над ним, и тот был на грани смерти.

Сейчас прошла всего неделя, и он только пришёл. Янь Хэцин не мог понять: действительно ли его метод воздействия начал работать.

Он вышел с кухни, бросил взгляд на часы, затем — на дверь.

Если Лу Мучи придёт ломать дверь, значит, он по-прежнему считает его средством для разрядки, значит, приманки ещё недостаточно. А если нет... В глазах Янь Хэцина мелькнул яркий свет — тогда он уже может собирать первый улов.

Тик-так.....

В тихой комнате слышно было, как тикают стрелки часов с половины десятого до одиннадцати. А облупленная железная дверь так и оставалась неподвижной и безмолвной.

Янь Хэцин опустил взгляд, потом повернулся и зашёл в ванную.

Горячий пар наполнил тесную ванную комнату. Янь Хэцин закрыл глаза, запрокинул голову — капли воды беспрестанно падали на лицо, били слишком близко, и от этого чувствовалось лёгкое жжение.

Длинные, чётко очерченные пальцы скользнули по завитку левого уха. Там были несколько шрамов, которые никогда не исчезнут.

Потом пальцы скользнули ниже, на левое плечо. Там располагался рубец размером с пиалу, неровный, шероховатый, будто он касался грубого махрового полотенца.

Янь Хэцин уже не помнил, как это ощущалось тогда. Кажется, было больно. Но плакать он не мог, если бы заплакал, Янь Шэнбинь разозлился бы ещё сильнее и избил бы его ещё жестче.

Горячая вода стекала с его плеча вниз по прямым длинным ногам, проходя по уродливому извилистому шраму.

Янь Хэцин резко выключил душ, схватил полотенце и стал вытирать волосы, затем отдернул занавеску и вышел.

Переоделся в мягкую чистую домашнюю одежду, вышел из ванной, взял с полки учебник по биологии. Не стал садиться на диван, а сразу поднялся на кровать и устроился у окна, внимательно вчитываясь в текст.

А внизу Лу Мучи, увидев, как Янь Хэцин идёт под зонтом, вдруг ощутил непривычное спокойствие. Он давно уже не чувствовал ничего подобного.

Подумав, что Янь Хэцин, возможно, в него влюблён, он уже открыл дверь машины и выставил наружу одну ногу. Но, взглянув на то светящееся окно, замешкался. Если Янь Хэцин и правда его любит... Что тогда?

Принять это?

Взгляд Лу Мучи потемнел. Ни за что. Даже если Линь Фэнчжи влюблён в его дядю, сам он всё равно любит Линь Фэнчжи. А Янь Хэцин...

Он признавал, что тот действительно вызвал у него интерес, но только интерес, не более.

Лу Мучи сжал зубы и потянулся, чтобы закрыть дверь машины.

Вдруг у окна появилась едва различимая фигура, приблизившись к стеклу.

Свет проникал сквозь тюль, и на нём смутно отпечатались тень человека, опустившего голову.

Бывают люди, у которых даже силуэт выглядит потрясающе. Лу Мучи уже мог себе представить, как в тот момент выглядит Янь Хэцин.

Он помнил, что в этой убогой, крошечной комнате Янь Хэцина кровать стояла прямо у окна.

То есть сейчас Янь Хэцин сидит на кровати.

Что он делает?

Подрезает ногти?

Играет в телефон?

В этот миг тень Янь Хэцина снова пошевелилась — он поднял руку и перелистнул страницу.

Оказывается, он читает.

Что он читает?

Учебник? Роман? Или справочник?

Лу Мучи снова, сам не замечая, задержал взгляд, наблюдая за этим, пока в глаз не залетела снежинка. Он выругался себе под нос, потер глаз и вернулся в водительское кресло.

Он закрыл дверь, и в салоне повис легкий дымок. Он просто сидел так и смотрел на окно третьего этажа до тех пор, пока свет там не погас.

*

Прочитав один раздел, Янь Хэцин задернул шторы, выключил свет и лёг спать.

Спал он крепко, когда вдруг у него под головой что-то задрожало. Янь Хэцин резко распахнул глаза и сел на кровати. В комнате было темно и тихо. Не землетрясение. Немного придя в себя, он опустил голову: рядом с подушкой вибрировал телефон.

Янь Хэцин нащупал его: был час ночи с чем-то, входящий вызов — Линь Фэнчжи.

Линь Фэнчжи не мог уснуть от волнения. Свет в его комнате по-прежнему горел, он был в лёгкой пижаме, босиком ходил по раскалённому от отопления полу, метался туда-сюда уже долго, но так и не смог унять восторг.

С тех пор как он вчера вернулся домой, он пребывал в эйфории.

Хотя всё пошло не совсем по плану, его отвозил домой не сам Лу Линь, но ведь это была машина Лу Линя! Он впервые в ней ехал! Его второй брат был прав: нужно быть настойчивым. И первый шаг получился очень даже успешным.

“Брат, я сейчас такой возбуждённый!” — как только телефон соединился, Линь Фэнчжи просто сел на пол, обхватив колени, и с сияющими глазами сказал: “Я даже не знаю, кому это всё рассказать, вот и звоню тебе”.

В комнате было холодно. Янь Хэцин накинул куртку на плечи, отодвинул угол шторы. Снег шёл всё гуще. Снаружи, на подоконнике за окном уже скопился толстый слой снега. Неудивительно, что так зябко. Он опустил взгляд вниз, машины Лу Мучи уже не было.

Опустив штору, Янь Хэцин наконец заговорил. Его голос звучал немного хрипло: “Что случилось?”

Щёки Линь Фэнчжи пылали. Он прикусил губу, но уголки рта всё равно неумолимо ползли вверх: “Я скажу тебе, только тебе. На самом деле есть один человек, который мне очень нравится. Вчера он отвёз меня домой!”

Он лизнул губу, уголки губ чуть опустились: “Ну, если округлить, то это он меня отвёз. Он отправил меня на своей машине”.

Янь Хэцин опустил ресницы, одной рукой плотнее запахнул куртку, прислонился к изголовью кровати, заправив острый подбородок в мягкий ворот: “Вот как”.

“Угу!” — Линь Фэнчжи радостно заулыбался, глаза изогнулись полумесяцами: “Но не спрашивай, кто он, хорошо? Я пока не могу сказать. В общем, он очень-очень хороший. Если бы я мог быть с ним вместе — я был бы самым счастливым человеком на свете!”

Янь Хэцин тихо кашлянул.

Только тогда Линь Фэнчжи заметил: “Ты всё ещё кашляешь?”

“Уже почти прошло”, — взгляд Янь Хэцина был отстранённым: “Просто похолодало, кажется, немного продуло”.

“Правда похолодало?” — Линь Фэнчжи посмотрел на свою тонкую пижаму. Он сам сегодня никуда не выходил, так что не знал. Но помнил, что у Янь Хэцина дома был какой-то обогреватель: “Включи обогрев или, если надо, купи кондиционер. Хотя я кондиционер не очень люблю, от него какой-то странный запах”.

Янь Хэцин ничего не ответил. Прошло немного времени, и он спокойно спросил: “А если тот, кто тебе особенно нравится... любит кого-то другого... Что ты тогда будешь делать?”

Только услышав этот вопрос, Линь Фэнчжи тут же вспыхнул. Он вскочил с места и по-детски упрямо сказал:

“Нет! Он принадлежит только мне!”

Янь Хэцин слабо улыбнулся. Потом снова закашлялся, откинул одеяло и встал с кровати:

“Уже поздно. Пора спать”.

Линь Фэнчжи ещё хотел поговорить, но, раз Янь Хэцин так сказал, только кивнул: “Угу. Спокойной ночи и сладких снов!”

После того как звонок закончился, Янь Хэцин пошёл на кухню, вскипятил чайник, налил воды в чашку, добавил немного холодной, достал несколько таблеток для снятия жара и одну от простуды. Положил их в рот и проглотил залпом.

*

На следующий день Янь Хэцин проснулся поздно. Голова была тяжёлой, в горле першило.

Ночная таблетка не помогла. Простуду так и не удалось заглушить.

Хотя аппетита не было, он всё же сварил немного рисовой каши без добавок и съел одну миску.

Взвесился — примерно 54 кг.

Медленно, но всё же прибавил килограмм.

Немного почитал по цитологии, потом снова принял таблетку от простуды, надел верхнюю одежду и вышел из дома.

На улице было холодно, и сегодня он оделся особенно тепло. Снег уже прекратился, но всё вокруг было покрыто белым, словно весь мир укутало снегом.

Свет был тусклым, людей на улице не было, только две колеи от автомобильных шин на дороге.

Времени ещё оставалось достаточно, и Янь Хэцин шёл медленно, спокойно вдыхая воздух после снегопада.

Он был прохладным и очень чистым.

Янь Хэциню нравился этот запах. Он достал из сумки наушники, вставил их в уши. Музыка стояла на той же песне, что он включал Лу Линю позавчера. Он не любил слушать музыку, переключил трек на список русских слов и стал про себя повторять.

Он неспешно дошёл до станции метро.

Университет ушёл на каникулы, к тому же, было ещё рано — в вагоне неожиданно оказалось мало людей. Воздух был свежий, и это немного облегчило Янь Хэциню самочувствие.

Почти все сидения были свободны. Сегодня он сел. Повторение слов в наушниках действовало убаюкивающе, и он, что для него редкость, позволил себе прикрыть глаза и немного подремать. Открыл их только перед самой станцией.

Несмотря на холодную зиму, дети из приюта всё равно хотели выйти поиграть во двор. У них ведь кроме территории приюта не было никакого другого пространства, и они особенно тянулись к внешнему миру.

Только благодаря гарантии Янь Хэцина тётя Чжан согласилась отпустить детей с третьего этажа на улицу, чтобы они лепили снеговиков.

Сюй Цяоин дала им коробку с формами для рисования. Так у снеговиков появились носы и глаза.

У детской фантазии нет границ: снеговики получались очень необычными. Одна маленькая девочка подошла к Янь Хэциню и спросила: “Брат Янь, я правильно слепила снеговика?”

Янь Хэцин поднял с земли несколько веточек, обломанных под тяжестью снега, чтобы сделать снеговикам руки. Услышав вопрос девочки, он присел на корточки и внимательно осмотрел её снеговика: глаза зелёные, рот чёрный, а на макушке торчит маленькая веточка.

Глаза Янь Хэцина мягко изогнулись в улыбке, он повернулся к девочке и сказал: “У каждого снеговика свой вид. Все они правильные. Твой снеговик очень милый”.

Девочка тут же радостно всплеснула руками и побежала звать друзей, чтобы показать им своего снеговика.

Янь Хэцин поднялся, отдал веточки другим детям, которым они были нужны, а потом сам выбрал небольшой участок земли, присел и стал лепить из чистого снега маленького снеговичка.

Пятый этаж.

Несколько девочек молча и спокойно смотрели в окно. Весь мир был белым — шёл снег.

“Давненько мы не видели снега...”

В их ясных детских глазах читалась очевидная тоска.

Вдруг кто-то постучал в дверь.

“Можно войти?”

Все сразу узнали голос Янь Хэцина. Обернулись и весело в один голос ответили: “Можно!”

Янь Хэцин открыл дверь. Он держал левую руку на весу, а на ладони... беленький, пухлый мини-снеговик.

Глаза девочек сразу засветились. В восторге они смотрели на снеговика: “Это же снеговик!”

Янь Хэцин, аккуратно держа снеговика, подошёл к каждой, чтобы все девочки могли дотронуться до него рукой.

“Такой холодный! Ха-ха!”

“Какой белый снег!”

“Я раньше тоже лепила снеговика! Даже красивее, чем у брата Яня!”

В итоге этот милый снеговичок оказался на подоконнике в их комнате.

В обед у Янь Хэцина всё ещё не было аппетита. Он кое-как закинул в себя немного еды и снова выпил таблетку от простуды. Во второй половине дня он в основном стирал бельё.

Компания Лу пожертвовала стиральную машину и сушилку, стало намного удобнее. Грязные вещи закидываешь, и к вечеру всё чистое и сухое. Он аккуратно сложил одежду и отнёс её в комнаты детей. На этом его работа на сегодня была закончена.

Он остался ждать Сюй Цяоин после работы. Она сегодня была разговорчивее, чем вчера.

“Утром, когда выходила, никто за мной не следил”, — с лёгкой улыбкой сказала она: “Наверное, вчера увидели, как ты провожал меня до дома”.

Они медленно шли в сторону метро. Янь Хэцин слегка улыбнулся:

“Если такое случится не раз, будет надёжнее”.

Сюй Цяоин кивнула, на лице стало больше улыбок. Всю дорогу они непринуждённо разговаривали.

Когда дошли до её квартиры, Сюй Цяоин открыла холодильник. Она специально купила дуриан. Продавец во фруктовой лавке сказал, что это король фруктов и молодёжь его очень любит. Она вынесла фрукт: “Не знаю, любишь ли ты такое. Я одна всё равно не осилю”.

“Люблю”, — ответил Янь Хэцин, взял дольку и тщательно доел её до конца, прежде чем уйти.

Оставшийся дуриан Сюй Цяоин сначала хотела отдать весь Янь Хэциню, но побоялась, что это станет для него обузой, поэтому аккуратно завернула остатки в пищевую плёнку и убрала обратно в холодильник.

Янь Хэцин вернулся в жилой комплекс поздно. Лу Мучи ждал весь вечер. Он проводил взглядом Янь Хэцина, пока тот поднимался вверх, и глаза его прищурились.

Университет уже давно на каникулах. С чего бы это Янь Хэцин каждый день так поздно возвращается домой?

Неужели на свидания ходит?

Чем больше Лу Мучи об этом думал, тем сильнее раздражался. Он набрал номер.

“Мой адрес. Приезжай немедленно”.

Через несколько минут впереди остановилась машина. Дверь открылась, вышел мужчина средних лет, невысокого роста. Он быстро огляделся по сторонам и поспешил к Лу Мучи.

Опустилось стекло. Мужчина с услужливым выражением спросил:

“Господин Лу, какие будут указания?”

Лу Мучи протянул ему телефон. На экране была фотография Янь Хэцина, сделанная при поступлении в университет: “С завтрашнего дня следи за ним. Докладывай всё, шаг за шагом”.

Мужчина посмотрел на экран. Этот жилой комплекс явно не соответствовал привычным местам обитания Лу Мучи. Он натянуто улыбнулся и спросил: “Он тут живёт?”

Лу Мучи вскинул подбородок, указал на окно с включённым светом на третьем этаже: “Вон та квартира”.

В тот самый момент Янь Хэцин отпустил угол занавески.

Он не мог разглядеть, кто именно пришёл к Лу Мучи, но догадаться было несложно. В романе

у Лу Мучи всегда был один частный детектив, который выполнял для него поручения.

Тогда следили за Линь Фэнчжи. Лу Мучи этого не скрывал, детектив приезжал с докладами прямо на его виллу, и он сам всегда присутствовал при этом.

Янь Хэцина это не волновало.

Если за ним будет следить частный детектив, это даже упростит дело. Не придётся придумывать, как показать Лу Мучи, что существует Сюй Цяоин.

Горло вновь обожгло жаждой. Янь Хэцин тихо закашлялся несколько раз, прошёл в гостиную, сел на диван, сделал несколько глотков горячей воды, взял в руки телефон — девятое число.

Скоро.

Янь Хэцин взял флакон с лекарствами, на этот раз высыпал сразу несколько таблеток: противовоспалительные, от жара, добавил одну от простуды и всё это разом проглотил.

*

На следующий день Лу Линь, умывшись, вышел из ванной. Его телефон издал звуковой сигнал.

Он переоделся, только после этого подошёл и взял телефон в руки.

Открыл уведомление из WeChat.

52 Герц.

Лу Линь открыл чат. Сообщений не было, только перевод средств: 4350 юаней.

В комментарии к переводу было написано:

[Первая часть. Спасибо, господин Лу.]

Сегодня было 10-е число. День первого платежа по договорённости с Янь Хэцинем.

<http://bllate.org/book/15726/1407449>